

# ЛИДЕРСТВО И СОВРЕМЕННЫЙ МИРОВОЙ ПОРЯДОК

ТАТЬЯНА ШАКЛЕИНА

МГИМО МИД России, Москва, Россия

---

## Резюме

На протяжении почти тридцати последних лет дискуссии о мировом и международном порядке концентрируются на таких вопросах, как структурирование взаимодействия между ведущими мировыми державами в решении основных глобальных и макрорегиональных проблем, число и статус великих держав, их роль в сравнении с негосударственными игроками. Отдельное значение приобрела проблема лидерства в современных условиях, когда число ведущих держав выросло, и выявились разногласия между ними относительно основных параметров будущего порядка и условий его конструирования. Этот вопрос приобрел особую актуальность в ситуации, когда Соединенные Штаты объявили себя глобальным лидером на долгосрочную перспективу, заявили, что именно благодаря американской политике во второй половине XX века удалось избежать большой войны. В русле американской политики действуют государства-члены НАТО и ЕС, а также кандидаты в эти организации. В результате Североатлантический альянс и Европейский Союз в целом претендуют на порядкоформирующую роль и статус глобальных регулирующих институтов, консолидирующих лидерскую деятельность Вашингтона.

Оценка политики США в годы биполярного порядка заслуживает специального рассмотрения, но если взглянуть на результаты действий Соединенных Штатов и их союзников в XXI веке, то приходится признать, что разумного структурирования взаимодействия между всеми ведущими державами не произошло. Напротив, возросло стремление в американо-европейской политике к неоспоримому диктату новых правил и установлению их путем разрушения отдельных государств и любых неподконтрольных Америке организационных инициатив как на глобальном, так и на региональном уровнях. Дестабилизация международных отношений и усугубление ряда глобальных угроз ставят вопрос о целесообразности лидерства вообще и американского лидерства в частности. Напрашивается вывод о том, что миру не нужен ни «одиночный лидер – США», ни «двуединый американо-европейский лидер». Необходимы другие форматы коллективного взаимодействия для того, чтобы остановить тренд дестабилизации.

Вопрос войны и мира остается важнейшим в мировой повестке дня. Администрация Обамы явила собой монолитную команду единомышленников, которые активно продвигают идею незаменимого американского лидерства с опорой в том числе на военные методы, информационные и пропагандистские возможности, экономические санкционные методы, превращая их в арсенал «жесткого» контроля. Даже «мягкая мощь» Америки – сила примера, на которой всегда делался особый акцент (в том числе европейцами), в настоящее время далека от миролюбия и подает весьма противоречивый образец для подражания. Автор пытается дать ответ на вопрос о том, нужен ли миру глобальный лидер, проанализировав курс администрации Обамы с точки зрения ее идейной сплоченности.

## Ключевые слова:

мировой порядок; гегемония; глобальное лидерство; США; Россия.

С точки зрения мировой истории двадцать пять лет – мгновение, но если посмотреть на современное состояние международных отношений, то этот сравнительно короткий период предстанет в качестве важного конституирующего этапа, в рамках которого свершились события, имевшие фундаментальное «трансформирующее» значение как для отдельных стран и регионов, так и для мирового порядка в целом. Ни на экспертном, ни на политическом уровнях нет единого понимания сущностных характеристик современного мирового порядка, поэтому интеллектуальные элиты государств, располагающие сильными научными школами международных исследований, предпочитают представлять его так, чтобы он наибольшим образом соответствовал интересам правящего класса. Соединенные Штаты и другие страны Запада живут в «однополярном мире» и строят свою политику, не обращая внимания на реальное развитие событий. Россия, Китай и ряд других крупных государств, напротив, действуют в «полицентричной системе», и в соответствии с этим видением выстраивают свою деятельность. Большинство же стран вообще все равно, в каком мире они живут: в силу дефицита ресурсов или исторического опыта они либо не могут, либо не хотят заниматься этим вопросом, следуя за США или «пристраиваясь» к другим ведущим державам и региональным объединениям.

Некоторые российские исследователи считают текущее положение нормальным, уверяя, что описывать мировой порядок можно по-разному [Современные глобальные проблемы 2010]. В то же время подобный подход игнорирует тот факт, что в политике помимо объективных оснований столкновения интересов государств, проявляют себя и субъективные причины, в том числе – приверженность различным порядкоформирующим планам [Мегатренды 2014: 40–57; 73–88].

По вопросу о принципах международного регулирования XXI века нет даже частичного консенсуса. В результате отдельные игроки или группы игроков про-

должают «продавливать» (причем часто опираясь на военный, экономический, информационный, разведывательный потенциал) «свой порядок». Столкновение различных подходов в этой области уже привело к дестабилизации Ближнего Востока, новому противостоянию между США, ЕС и Россией, усилению конкуренции в Азиатско-Тихоокеанском регионе, вызывает неадекватную реакцию со стороны Соединенных Штатов и Евросоюза на политику России и КНР в Евразии. Возвращается идеологизация и милитаризация международных отношений, встает вопрос о том, как будут развиваться события дальше.

В 2015 г. состоялись празднования важных дат: окончания Второй мировой войны и создания основных институтов Ялтинско-Потсдамского порядка, прежде всего ООН. Эти события продемонстрировали серьезные расхождения между ведущими мировыми державами в вопросах о том, какую роль сыграли отдельные союзники в общей победе во Второй мировой войне и какие торжества следует посетить наследникам победителей. Мы приблизились к опасной черте: ведь речь не идет даже о внесистемных (негосударственных) игроках, которые уже превратились в большую, пока нерешаемую проблему. Имеются в виду прежде всего ведущие державы, которые способны организовывать пространство вокруг себя, а в глобальном масштабе – оказывать определяющее влияние на решение региональных и глобальных проблем.

## 1

Почти ни у кого, кто знаком с системой принятия решений в странах, в которых имеется развитое экспертно-академическое сообщество, не вызывает возражений констатация, согласно которой немалая роль в формировании национальных стратегий, в оказании влияния на умы политиков и простых граждан принадлежит ученым-международникам. Именно они вбрасывают идеи, развивают их в концепции, адаптируют к внешнеполитическим

интересам страны и планам конкретных политиков, предлагают методы их реализации и прогнозируют возможные результаты. Делая это, они опираются на научный багаж предшественников, на исследовательское наследие других стран, на собственные убеждения, объединяя их с взглядами политических и экспертных сподвижников.

Особенно многогранным и заметным остается влияние ученых-международников в Соединенных Штатах, имеющих вековую историю функционирования системы «мозговых центров», превратившихся в неотъемлемый институт политической системы [Abelson 2006; Введение в прикладной анализ международных ситуаций 2014: 109–133; Шейдина 1973]. Часть специалистов, особенно тех, которые работают в ведущих «мозговых центрах», в аппаратах государственных ведомств и штате отдельных политиков, способны встраивать свои предложения в идейный «мейн-стрим». Те же, кто не может поступиться собственными убеждениями и при этом не согласны с проводимой политикой, развивают свои идеи в научных трудах, устраняясь от практической политической деятельности. Тем не менее всех аналитиков объединяет приверженность основам американской идеологии и стремление оградить США от роковых ошибок, которые могут помешать ей исполнять глобальную мессианскую роль.

Отдельные попытки предложить той или иной администрации ограничить внешнеполитическую деятельность и сосредоточиться на внутренних проблемах, как правило, недолговечны и не находят поддержки. Так, умеренный критик администрации Дж. Буша-мл. Майкл Мэнделбаум выступал с планами сокращения внешнеполитических затрат США критикуя операцию в Ираке, а до этого – в Югославии. Однако уже в период администрации Б. Обамы он резко сменил свою позицию и поддержал амбициозные действия демократов

[Mandelbaum 2010; Mandelbaum 2014]. Между тем на деле они мало отличались от республиканских прожектов. Авторы американской политики из числа «обамовцев» предложили лишь переложить затраты по реализации глобальных планов на союзников, действовать их руками, оставаясь в роли лидера и руководителя.

Приверженность базовым культурно-историческим кодам перевешивает все остальные соображения. При этом США не оставляют права на следование традициям за другими странами, считая только американские идеи и побуждения «правильными». У многих «остальных» история, похоже, была ошибочной, поэтому ее можно и нужно забыть, даже если для этого придется разрушить страну.

После окончания эпохи биполярного порядка неоднократно поднимался вопрос о том, что же такое Соединенные Штаты для остального мира: империя, одна из ведущих мировых держав, лидер, гегемон?

Активное обсуждение перспектив закрепления имперского статуса США в мировой системе наблюдалось в 1990-х годах. Американские политологи много писали о том, что «плохими» были только империи прошлого (от древних времен до начала 1990-х годов, когда прекратил существование Советский Союз)<sup>1</sup>. Сторонники неоимперской концепции (З. Бжезинский, Р. Кейган, Ч. Краутхаммер, Б. Рассетт, М. Макфол) писали, что мир нуждается в твердом управлении и даже принуждении идти правильным курсом. Необходимость в имперском руководстве, в «подтягивании» отдельных территорий к более высокому уровню развития метрополии (прежде всего, в сфере демократизации) не отпала.

Без прикрас имперскую политику США описал З. Бжезинский, который в отличие от большинства американских политологов (прикладывающих немалые усилия для изобретения новых терминов, затушевывающих истинный смысл и содержание по-

<sup>1</sup> Следует отметить, что отнесение американскими специалистами СССР к числу империй, на наш взгляд, некорректно и имеет политические основания.

литики Соединенных Штатов) всегда говорил откровенно: «... Если выразить это (политику США. – *Т.Ш.*) в терминах, использовавшихся для описания отношений в темные времена существования древних империй, то три важнейшие задачи имперской геостратегии заключаются в том, чтобы предотвратить столкновение между вассалами, обеспечив их интересы в сфере безопасности; добиваться, чтобы государства-данники сохраняли покорность и были защищены; не позволять варварам объединиться» [Brzezinski 1998: 39–40].

Современная имперская модель в американской трактовке в принципе допускала некоторую автономию действий и право голоса «новых колоний», но в реальности никакая свобода не предполагалась. Как показали события 2000–2010-х годов, лояльность США была основным требованием к тем странам, которые хотели войти в круг американских попутчиков, быть принятыми в НАТО, получать кредиты и вооружение<sup>2</sup> [Kagan 1998: 24–35].

В 2000-х годах война в Ираке (как в значительной степени и операция в Афганистане) стала откровенной демонстрацией имперской политики. Дискуссии о путях ее проведения получили новый импульс. Вновь был поднят вопрос о том, нужно ли США быть империей XXI века после того, как история доказала их неизбежную гибель. Ряд специалистов стали писать об «американском империализме» как о политической реальности, давая ей положительную оценку. Они подчеркивали позитивное значение такой политики для обеспечения глобальной стабильности и выполнения задачи демократического строительства во всемирном масштабе.

Критики, напротив, отмечали, что империи любого типа имеют существенную негативную коннотацию для многих стран

с учетом опыта колониальной зависимости. Кроме того, они требуют от метрополии колоссальных затрат – особенно если речь идет о глобальной империи. Противники такой стратегии предостерегали, что внешняя политика подобного государства, как правило, направлена на создание иерархической системы отношений, и управление в условиях монополии опирается на использование военной силы. Его другими задачами становятся контроль внутривнутриполитической ситуации в образованиях, входящих в империю, обеспечение безопасности границ общего пространства и входящих в нее стран.

Не менее важной оказывается политика по поддержанию высокого уровня продуктивности экономики метрополии и зависимых от нее государств. Он должен покрывать затраты по управлению империей и по инкорпорации местных элит «колоний» в истеблишмент метрополии для повышения управляемости внутривнутриполитической ситуации подчиненных государств [Rosen 2003: 51–61].

Отечественный специалист Э.Я. Баталов называл дебаты по вопросам американской стратегии в начале 2000-х годов «страстями по империи»: «Нынешняя Америка поражена имперским вирусом. Она чувствует себя империей. А главное – пытается вести себя как империя... Ни республиканизм, ни демократизм, ни либерализм не могут рассматриваться как панацея от имперского поведения, может иметь место радикальный разрыв между политико-юридическим статусом страны и ее внешнеполитическим курсом» [Баталов Э.Я. 2008: 268–269]. Соединенные Штаты при разных администрациях пытались и пытаются:

1) сформировать новую иерархическую структуру под своим контролем, препятствуя стремлению других ведущих держав

<sup>2</sup> При обсуждении вопроса о так называемых данниках или новых колониях специального внимания заслуживают европейские страны, некоторые из которых выступают в роли полуметрополий по отношению к малым и экономически слабым странам ЕС и кандидатам в его члены. Для развитых стран Западной Европы вряд ли приемлем статус данников по отношению к США, однако события показали, что отдельные черты отношений метрополии и новых колоний могут быть отнесены и к ним. Пример раздробления Югославии также продемонстрировал имперское поведение как США, так и ведущих стран Европы.

(России и Китаю) на свой лад структурировать международные отношения, не отказываясь от роли гегемона и верховного «регулятора»;

2) предоставляют зонтик безопасности широкому кругу государств;

3) стараются переложить затраты по глобальному регулированию на другие страны, которые сильно зависят от финансовой, военной и политической поддержки США;

4) держат под контролем ведущие международные финансовые организации и опираются на международную роль доллара, что позволяет им оптимизировать расходы по поддержанию международного влияния;

5) готовят и влияют на элиты государств, входящих в империю.

Успешное имперское правление невозможно без постоянного наращивания военного потенциала и поддержания его на уровне, не достижимом для других государств. В этой связи основной задачей всех американских администраций остается сохранение беспрецедентного военного потенциала и препятствие любым попыткам остальных стран приблизиться в этой области к США.

Даже критики имперской модели признавали, что в случае отказа от существующей политики, ситуация в мире может измениться не в лучшую для США и других стран сторону. Ненависть к Америке может сохраниться, в то время как страх перед ней уменьшится, американские союзники будут чувствовать себя менее защищенными, произойдет быстрое расползание оружия массового уничтожения в Арабском мире и в Азии. Перспективы мира без американской империи представлялись весьма непривлекательными, а значит, ее существование допускалось<sup>3</sup>.

Тем не менее, в течение 2000-х годов экспертные дискуссии на эту тему угасти,

так как акцент на имперском характере американской политики, пусть даже благожелательной и нового типа, не мог способствовать улучшению образа США в мире, среди союзников и попутчиков. Дискуссии переместились в другую плоскость: обсуждения гегемонизма и лидерства как форм реализации американской глобальной стратегии. В российских публикациях трактовка феномена гегемонии отличается от того, как ее описывают и преподносят американские политологи [Современная мировая политика. Прикладной анализ 2010: 153–167; Темников 2010: 31–47; 83–116]. Они весьма часто и некорректно используют категории гегемонии и лидерства как синонимы, перескакивая с одного термина на другой. Гегемония в американском понимании – тоже лидерство, только с явными элементами давления. А если оно «скрыто», хотя и присутствует подспудно, то это уже лидерство.

На наш взгляд, эти категории все же следует разводить. Лидерство требует добровольного делегирования лидеру полномочий по путеводительству в мировой политике. Страны вручают свою судьбу в его руки, следуют за ним, выражая согласие с провозглашаемыми целями и задачами, а также методами их осуществления, помогают ему. Между тем представители США сами провозгласили себя глобальным лидером. Представители трансатлантического сообщества (НАТО и ЕС и стоящие в очереди на членство страны) признают за ними право на такой статус, но остальные участники мировой системы или не задумываются над этим вопросом, или активно не согласны.

При анализе вопроса о глобальном лидерстве и гегемонии, возможно, самым важным остается то, какую программу предлагают Соединенные Штаты и как соотносятся их амбиции с интересами других международных игроков. Решая вопрос о

<sup>3</sup> Некоторые политологи связывали рост имперских настроений и имперское поведение с окончанием «холодной войны». Политики и политологи, по-прежнему мыслявшие старыми категориями и желавшие любыми средствами предотвратить появление нового противника, посчитали, что именно имперская политика «защитит» другие страны от появления новых империй (подобных СССР) [Snyder 2003: 29–40; Brumberg 2003].

присоединении к лидеру, страны просчитывают все возможные последствия; мало когда государство готово добровольно быть ввергнутым в пучину политических и экономических катаклизмов с угрозой утраты государственности. Более того, сомнительно, чтобы страны стремились к участию в конфликтах и войнах для реализации планов глобального лидера. Хотя пример государств-членов ЕС и НАТО (и им сочувствующих) показывает, что воинственный формат американской стратегии не вызывал, да и сейчас не вызывает у них прямого отторжения. На наш взгляд, это показатель того, что они привержены или имперскому, или вассальному мышлению в зависимости от статуса.

Идеология американского мессианства предполагает гегемонию, имперская сущность США также предполагает гегемонию, иначе очень трудно обеспечить глобальное управление и контроль. Американские политологи, задача которых – идейное оформление внешнеполитической стратегии США, задумываются над тем, как помочь своему правительству в реализации исторической миссии, создав благоприятную международную среду и привлекательный образ страны в мире. Это требует поиска новых концептов для придания образу Америки большей благожелательности, миролюбия и мудрости.

Предложенные Дж. Наем-мл. концепции «мягкой», а затем «умной» силы – наглядный тому пример. Во все времена руководство стран стремилось к тому, чтобы политика была наиболее выгодной для страны. Не всем и не всегда это удавалось, но желание разумно тратить ресурсы присутствовало. Было оно и у США. Что же изменилось, что потребовало особо выделить категорию «умной» силы? Для того чтобы понять логику этого подхода, надо вспомнить, что это пожелание обращено, прежде всего, к американским администрациям. Между тем понимание «умной» силы Соединенными Штатами применительно к конкретной политике, действиям и ситуациям может не совпадать с тем, как ее оценивают другие игроки. Именно са-

ми США определяют, сколько должно быть военного компонента, сколько финансово-экономического (в форме давления и сдерживания), информационно-пропагандистского (в виде психологической войны), иного (личный пример и убеждение).

Вариант «умной» силы (прежде всего когда речь идет о крупных державах) для других стран, предлагаемый или навязываемый американскими политиками и мыслителями, может радикально отличаться от того, что хотели бы делать их собственные правительства. Что такое для администрации Обамы «умная» политика? В декларациях это уменьшение военного компонента в действиях США и прямого вовлечения американских вооруженных сил в проведение операций за рубежом. На практике отказа от опоры на «жесткую» силу не произошло, хотя удалось переложить прямые военные действия на союзников по НАТО. Одновременно усилился экономический компонент (в форме давления и санкций) и информационно-пропагандистский (в форме психологического давления). Американская сила – это гегемония, а все рассуждения о «мягкой» и «умной» мощи – лишь красивое прикрытие для вовсе не красивых действий.

*Умная политика для США – это та, которая максимально обеспечивает выполнение поставленных целей с минимальным расходом собственных ресурсов и средств.* Соединенные Штаты к этому давно стремятся, но остальному миру от этого только тяжелее. Значит, у нас своя «умная» сила, и она с американским умом не совпадает, и даже противоречит ему.

□

*Сегодня отсутствует согласованное структурно оформленное взаимодействие между всеми ведущими мировыми державами. НАТО и ЕС не включают ряд влиятельных игроков и большую часть мирового сообщества, более того, вызывают у многих стран стремление уравновесить их роль в мировой политике созданием альтернативных объединений, а также наращива-*

нием своего военного потенциала (в том числе и экономического, хотя это удается с меньшим успехом). По утверждениям американских политологов, это не так важно, так как США собирают вокруг себя наиболее развитые страны, доминируют в большинстве финансово-экономических организаций, могут повлиять на любую ситуацию в любом уголке мира<sup>4</sup>.

В сказанном есть доля правды. США могут вмешиваться в любые ситуации в разных частях мира, в деятельность различных объединений, в дела множества стран как гегемон, как сверхдержава, с параметрами которой пока никто не может сравниться. Тем не менее это не делает их «незаменимым глобальным лидером», потому что путь, на который они упорно толкают остальные страны, ведет к кризисам и конфликтам, не говоря уже о том, что мы имеем дело с локальными войнами, угрожающими перерасти в войны более крупные. Не лишне вспомнить слова С. Хантингтона, произнесенные в 1999 году, когда американский гегемонизм проявился особенно наглядно и впервые в пост-биполярной истории вызвал жесткое противодействие Москвы. Политолог выразил сомнение в том, что «одинокая сверхдержава» сможет решить все глобальные проблемы без опоры на ведущих мировых игроков, среди которых была названа и Россия. В 2000-х годах он обвинил американцев в нетерпимости к культуре и традициям других народов, предостерегая их от попыток ценностного гегемонизма [Huntington 2004: 5–18].

Мало кто прислушался к его словам в Америке, особенно среди представителей правящей элиты. Между тем он верно указал изъян американской стратегии – обольщение сверхдержавностью и однополярностью. Политолог писал, что, хотя США могут в одиночку заблокировать действия одного или нескольких региональных госу-

дарств, но сами они без поддержки других ведущих мировых держав не в состоянии решать ключевые международные проблемы [Huntington 1999: 35–49].

Американская звезда светит, но куда? Куда так называемое американское лидерство привело отдельные страны и регионы? Соединенные Штаты – сверхдержава, гегемон, но не лидер, не «незаменимая нация», и совсем не «благожелательная империя». Пора задаться вопросом: нужен ли миру глобальный лидер? Особенно с лицом гегемона, и как писал известный американский политолог Ч. Мэйнс, «с поднятым кулаком» [Maynes 1998: 36–48].

*Представляется, что глобальный лидер миру не нужен.* Если какая-то группа стран хочет видеть США своим лидером – это их выбор, но пусть они в таком формате решают свои проблемы, не создавая вызовов другим странам, не вмешиваясь в их дела, не решая их судьбу по своим лекалам. Пора перестать дискутировать на эту тему. *Важнейший вызов нашего времени: сформировать систему отношений между ведущими державами, которая будет обеспечивать стабильное мировое развитие без конфликтов и войн.* Не менее важным остается экономическое развитие, которое давно «буксует» и не дает гарантий бескризисного существования большинству стран, находящихся в рамках мировой долларовой системы.

Такое понимание есть у ряда ведущих держав и других государств, способных проводить национально-ориентированную политику. У американско-европейской стороны такого понимания пока нет, о чем свидетельствует не только политика США и ЕС в отношении России и в регионе Ближнего Востока, но и то, как планируется деятельность Америки на будущее<sup>5</sup>. Интересно посмотреть и на то, как американские политологи пытаются по-новому представить политику США.

<sup>4</sup> Такую точку зрения высказал, например, авторитетный американский политолог У. Уолфорд во время выступления на семинаре в МГИМО – Университете 9 сентября 2015 г.

<sup>5</sup> *National Security Strategy of the United States of America*. 2015 / [https://www.whitehouse.gov/sites/default/files/docs/2015\\_national\\_security\\_strategy\\_2.pdf](https://www.whitehouse.gov/sites/default/files/docs/2015_national_security_strategy_2.pdf)

## З

Основной аргумент при обосновании американского лидерства, точнее, права Америки на него, исходит из того, что сверхдержавный статус США останется неоспоримым на долгосрочную перспективу. Дж. Най-мл. пишет, что «существует вполне объективная возможность того, что США на десятилетия останутся самой мощной державой по сравнению с любой другой страной, и в отличие от Римской империи никто не сможет превзойти их, даже Китай» [Nye 2011: 3]. Между тем проблема для гегемона не только в том, что кто-то превзойдет его по мощи, а в том, что в упадок может прийти элита страны. Она способна настолько оторваться от реальности и настолько «замкнуться в мессианстве», что серьезные проблемы возникнут даже у сверхдержавы. На такую мысль наталкивает анализ того, что происходит в недрах администрации Обамы и с экспертами, обслуживающими ее деятельность.

Демократы, победившие в 2008 году, решили полностью отмежеваться от своих предшественников. Они называли себя ревизионистами, хотели подвергнуть пересмотру все, что делали республиканцы. Анн-Мари Слотер, входившая в предвыборную команду Обамы и недолго работавшая в Государственном департаменте в качестве заместителя государственного секретаря, опасалась, что чрезмерная критика администрации Буша может привести к тому, что «реалисты вновь возьмут власть в свои руки, *поставив порядок и стабильность над идеологией и ценностями*» (курсив мой. – Т.Ш.) [Цит. по: The Domestic Sources of American Foreign Policy 2014: 431].

У руля страны оказалась монолитная группа единомышленников, близких по возрасту и убеждениям. *Главным, что их объединяло, были страсть к ревизии и большая терпимость к насилию и войне ради идеи.* Продолжавшаяся около двадцати лет пропагандистская кампания внутри страны также подготовила американцев к тому, что страна вступила не просто в «золотой американский век», но и должна воевать для того, чтобы он никогда не закончился.

В одной из речей Б. Обама заявил: «Наша страна несет особое бремя в глобальных делах. Нам не всегда говорят спасибо за наши усилия, и мы иногда делаем ошибки. Но больше чем какая-либо другая страна, Соединенные Штаты обеспечивали глобальную безопасность в течение более 60 лет – периода, во время которого рушились стены, открывались рынки, миллиарды людей были спасены от нищеты, наблюдался невиданный научный прогресс и раздвигались границы» [Цит. по: Mann 2012: xviii].

Приписывание Соединенным Штатам определяющей роли в развитии международных отношений, игнорирование роли других держав, воевавших во Второй мировой войне, а затем поддерживавших мировую систему в эпоху биполярного порядка, особенно характерно для демократов и либералов. Сходную мысль можно услышать от ряда политологов (как либералов, так и реалистов), считающих, что именно американская гегемония благотворна по характеру: выгода от того, что США делают в политической и экономической сферах для себя и своих партнеров, перевешивает затраты. По мнению У. Уолфорта, Дж. Айкенберри и С. Брукса, гегемония создает много полезного, в том числе, обеспечивает стабильность системы. Правда, считают политологи, выгода, получаемая США непропорциональна их превосходству (они хотели бы получать больше) [Brooks, Ikenberry, Wohlforth 2008: 7–51].

Есть вопросы относительно того, чью стабильность США обеспечивают. Существующие отношения между ведущими мировыми державами и в целом между субъектами международных отношений сохраняют структурированный облик не столько благодаря Соединенным Штатам, сколько вопреки их действиям. Если авторы имеют в виду США и страны НАТО, ЕС и сподвижников, то Америка, конечно, задает тон, направляет, диктует, подчиняет, хотя стабильности отдельным государствам это не приносит.

Не менее уязвимо заявление относительно выгод. Если выгоды от гегемонии

получают США и их союзники (и хотели бы больше!), то это не означает, что сложившееся положение должно удовлетворять остальные страны, не входящие в число бенефициаров. Чаще они терпят убытки, в прямом и переносном смысле. Утверждается, что главную выгоду от политики США получает Китай (можно добавить Индию), но американские эксперты уже думают о том, как такое положение изменить.

Внешнеполитическая мысль США национально-ориентирована, поэтому необходимо критически рассматривать концепции, выходящие из-под пера большинства политологов. Как отмечают отдельные критики американской политики, те, кто делает политику Соединенных Штатов, слишком много инвестировали в гегемонию, их действия целиком нацелены на государственные интересы, все их заявления делают акцент на превосходстве США и американских ценностей, на мессианской роли, на том, что ответственные политические лидеры в мире принимают и приветствуют политику США<sup>6</sup> [Reich, Lebow 2014: 27].

Именно такие политики пришли к власти в 2008 году. «Обамовцы», считавшие, что демократы должны доказать свою силу и решимость, полагали, что это можно сделать, показав, что они не боятся действовать без оглядки, без комплексов, в том числе военными, жесткими методами. И это им удалось. Упрекнуть их в мягкости к оппонентам и критикам невозможно. Появился термин «либеральные ястребы». Близость демократов и республиканцев по вопросам безопасности и установления нового мирового порядка стала еще более очевидной.

*Защита прав человека стала официальной идеологией администрации Обамы, за завесой которой скрывалась военная интервенционистская политика. И президент*

Обама и его ближайшее окружение были людьми, которые не медлили в решении вопроса об использовании силы. Хотя публично они не позволяли связывать себя с реалистами, но если внимательно проанализировать их постулаты и особенно конкретные действия, то видно, что современная американская политика — это сплав «Realpolitik» и идеологии. Причем идеологический компонент так силен, что делает стратегию США воинствующей по своему характеру. Американское руководство открыто заявляет — продлить мировое лидерство США в XXI веке на практике может не столько демократизация мира, сколько предотвращение появления любого конкурента-соперника, способного балансировать против Америки или ограничивать ее возможности в разных сферах мировой политики. Это — наступательный реализм, а демократизация оказывается лишь способом такую ситуацию обеспечить, так как американские действия ведут прежде всего к дестабилизации, которая не позволит эффективно и быстро развиваться другим державам.

Уже в который раз в истории встает вопрос об обольщении силой. Дж. Кеннан (по признанию коллег, самый приверженный идеям реализма специалист-международник XX века) полагал, что вопросы внешней политики гораздо сложнее, чем их представляют американская элита. Попытки распространить демократию или решить проблему прав человека, как правило, заканчивались неудачно. В 2002 году, за полгода до начала операции в Ираке, Дж. Кеннан сказал: «Сегодня, если мы войдем в Ирак, к чему нас призывает президент, мы будем в ситуации, когда мы знаем, как начать, но никогда неизвечно, как закончить начатое» [Цит. по: The Domestic Sources of American Foreign Policy 2012: 431].

Как прекратить начатое Соединенным Штатам, и что делать другим державам,

<sup>6</sup> Представление о том, что в мире сохраняется благоприятное мнение относительно США, — большое преувеличение. Происходит постепенное размывание позитивного образа Соединенных Штатов. Проведенные в 2010 году исследования показали, что больше всего негативных оценок и ответов относительно глобального влияния пришлось на США (34%). И этот тренд продолжался в последующие годы (см. URL: <http://www.worldpublicopinion.org>).

чтобы остановить управление по-американски? Отдельные американские политологи уже не в первый раз предлагают отказаться от гегемонии и перейти к более разумному участию в мировой политике и в отношениях с другими странами, прежде всего с ведущими мировыми державами. Но даже такое хорошо обоснованное предложение, пусть и запоздалое, не снабжено всесторонним анализом реальной международной ситуации.

Авторы монографии «Прощай, гегемония!» выступают за коллективность в решении глобальных проблем, отдавая приоритет взаимодействию трех, по их мнению, основных игроков – США, ЕС, Китая. При этом ведущая роль в сфере обеспечения безопасности отдается Соединенным Штатам. «Америка – спонсор» – о чем неоднократно говорил и президент Обама, заявлявший, что именно США были гарантом международной безопасности во второй половине XX века и остаются им сейчас.

Американское «спонсорство» заслуживает отдельного анализа: надо разобраться, кого спонсируют США, и что происходит в странах и регионах, являющихся объектами американского вовлечения. Даже «спонсорство» в отношении трансатлантических союзников, на наш взгляд, не делает их жизнь безоблачной и спокойной. К 2015 г. нестабильность и рост конфликтности в большей части Евразии – очевидный факт, и американская роль в этой ситуации не самая последняя.

Такие угрозы международной, региональной и национальной безопасности, как терроризм, пиратство, организованная преступность, которые, по утверждению американских авторов, обосновывают «спонсорство» США, оказываются в немалой степени следствием американской же политики. Именно их действия привели к

дестабилизации, локальным и внутригосударственным конфликтам, распаду и ослаблению государств. В условиях нестабильности и конфликтов почва для усиления криминальных сетевых игроков только возрастает. Нам нужен не лидер с сомнительными формами спонсорства, а коллективная деятельность ведущих держав (прежде всего, находящихся непосредственно в зонах нестабильности) по охране границ, контролю над криминальными потоками, необходимо взаимодействие их разведок и правоохранительных структур.

В экономике глобальная управляющая роль отводится КНР и ЕС как «хранителям» основ рыночной экономики, ее дальнейшего развития и распространения. Это тоже отдельный вопрос, так как не совсем понятно, как будут сопрягаться экономические интересы Китая и ЕС в условиях, когда США уже подписали Транстихоокеанское партнерство с рядом стран АТР и настойчиво продвигают Трансатлантическое торговое и инвестиционное партнерство. В случае консолидации этих институциональных проектов Китай столкнется с вызовом определения способов взаимодействия с США и их «партнерами», вынужден будет искать возможности маневрирования.

Идея «трехполюсного мира» далеко не нова: такая структура международных отношений предлагалась еще политологом Ч. Купчаном в середине 1990-х годов, но широкого распространения не получила, так как американоцентричность мирового порядка была, есть и будет единственно востребованной и желанной для политического истеблишмента США<sup>7</sup> [Kupchan 1998: 49–55]. Ей подчинены все действия Соединенных Штатов по организации под своим контролем трансокеанических пространств.

В антигегемонистской концепции С. Рича и Р.Н. Лебуо коллективизм гло-

<sup>7</sup> Согласно концепции Ч. Купчана, в основе мироустройства – три региона, в каждом из которых существует один полюс силы. В трехполюсном мире он выделил наиболее развитые в военной и промышленной областях Северную Америку (лидер США), Европу (лидеры Германия и Франция), Восточную Азию (лидеры Китай и Япония). Указанную модель Ч. Купчан определил как модель «региональной однополярности», или «мягкой однополярности» в качестве альтернативы «агрессивной однополярности» (один полюс – США).

бального управления на основе действия трех центров силы дополняется действиями других стран в решении отдельных мировых проблем. В качестве примера, например, приводится роль Норвегии в закреплении нормы «ответственность по защите», роль Германии и других европейских стран в распространении «корпоративной этики» [Reich, Lebow 2014: 167–170; 171–183].

Подход С. Рича и Р.Н. Лебоу заслуживает внимания прежде всего потому, что выводит рассмотрение современных международных отношений за рамки концепции американской благожелательной гегемонии. Однако, как почти во всех работах западных авторов, предлагаемые варианты «оформления» и объяснения глобальной стратегии США нацелены на закрепление за Америкой доминирующей роли. Реванс в сторону Китая и ЕС не следует рассматривать буквально. Соединенные Штаты проводят политику сдерживания и одновременного вовлечения Китая в свою орбиту и совсем не заинтересованы в создании условий для его дальнейшего подъема. ЕС выступает в роли продолжателя политики США и все более ослабляется противоречивыми действиями, более отвечающими устремлениям Соединенных Штатов, нежели европейским интересам.

Требуется осознание того факта, что для решения любых экономических, политических и военных вопросов необходимо избегать любого вида конфликтов и войн, о чем большинство американских авторов предпочитают не говорить. Они также вообще не упоминают Россию, Бразилию, Индию, Турцию и ряд других крупных государств, как будто повестка дня мировой политики может и должна быть сформирована без них. Согласны ли упомянутые страны с этим? Очевидно, что нет. Пойдет ли Китай на полное изолирование России и исключение одной из ведущих держав из порядкоформирующей группы? Пока китайское руководство дает отрицательный ответ, поддерживая и участвуя в интеграционных евразийских проектах в сферах экономики и безопасности.

Американские политологи весьма избегательны в обосновании влияния США, но как отмечалось выше, все концептуальные модификации концентрируются на особой сверхдержавной роли Америки, аксиоматическом праве диктовать глобальную повестку дня и руководить ее выполнением. Коллективизм, понимаемый по-американски, тоже американоцентричный и жесткий. Больше говорится о том, как бороться с уже имеющимися последствиями (прежней политики США), а не о том, как ликвидировать источники возникших и возникающих проблем.

Особый интерес у нас вызывает, конечно, отношение к России, вычеркивание ее с карты мира и из мировой политики, что наблюдается практически во всех работах теоретического характера, посвященных мировому порядку и стратегии США (за редким исключением). Одновременно нагнетаются страхи относительно российской угрозы внутри Соединенных Штатов и в других странах. Число работ по России невелико, в основном в формате комментариев и коротких аналитических опусов, исходящих от экспертов «мозговых центров». Ее роль представляется настолько незначительной в мировой политике, что непонятны несоразмерные страхи, связанные с ней. Работает только одно объяснение, обосновывающее такое внимание к России: ее ядерная мощь сопоставима с американской.

Однобокость в оценке России и ее роли сохраняется вот уже более 20 лет. Выросло поколение международных мыслителей и пишущих о будущем мира без России. Опять в вашингтонских политических кулуарах эмоционально говорят о «новой холодной войне». Ни о чем другом писать не хотят и не могут. Политологи, не знакомые с вьетнамской войной и «холодной войной», с упоением бросаются в пучины нового противостояния и воинственной политики в разных регионах мира. Вкус к войне перевешивает вкус к миру. Это мейнстрим.

Однако есть все-таки и противники воинственности, стремящиеся противосто-

ять этому настроению, предотвращать кризисы, подобные Карибскому<sup>8</sup>. Момент критический. Многое будет зависеть от того, сумеют ли Россия и Китай (возможно, вместе с Индией и Бразилией) оказать сдерживающее влияние на политику США и Европы, и своими общими усилиями и действиями остановить дестабилизацию международных отношений<sup>9</sup>. *Представляется, что мир с тремя центрами силы уже существует, и это не те центры, о которых так упорно говорят американские эксперты. Именно треугольник Россия – Китай – США задает векторы мирового развития, правда, Америка в этом треугольнике пока «играет свою игру», а Россия и Китай не сформировали единой мирорегулирующей стратегии, хотя во многом демонстрируют единство подходов.*

\* \* \*

Сегодня миру не нужен ни гегемон, ни лидер. Необходима кооперация ведущих мировых держав в установлении и поддержании такого мирового порядка, который бы обеспечивал решение глобальных проблем и удерживал мир от конфликтов и войн, гарантировал стабильное экономическое и политическое развитие. Все дискуссии вокруг пресловутого американского лидерства следует оставить американским политологам, если они не устали от бесконечного муссирования этого вопроса. Пора заняться обсуждением реально стоящих проблем и путей их решения, признавая важность всех участников глобального политического процесса, прежде всего ведущих мировых держав, число которых давно превысило формат «семерки».

### Список литературы

- Баталов Э.Я. Человек. Мир. Политика. М.: НОФМО, 2008. 330 с.
- Баталов Э.Я. Мировое развитие и мировой порядок. М.: РОССПЭН, 2005. 376 с.
- Введение в прикладной анализ международных ситуаций / под ред. Т.А. Шаклеиной. М.: Аспект пресс, 2014. 287 с.
- Лидерство и конкуренция в мировой политике. Россия и США / под ред. А.Д. Богатурова и Т.А. Шаклеиной. М.: КРАСАНД, 2009. 352 с.
- Мегатренды: Основные траекторииэволюции мирового порядка в XXI веке / под ред. Т.А. Шаклеиной и А.А. Байкова. М.: Аспект пресс, 2013.
- Современные глобальные проблемы / под ред. В.Г. Барановского и А.Д. Богатурова. М.: Аспект пресс, 2010. 350 с.
- Современная мировая политика. Прикладной анализ / под ред. А.Д. Богатурова. М.: Аспект пресс, 2010. 592 с.
- Темников Д.М. Лидерство и самоорганизация в мировой политике. М.: НОФМО–Аспект пресс, 2010. 173 с.
- Шаклеина Т.А. Россия и США в новом мировом порядке. Дискуссии в политико–академических сообществах России и США (1991–2002). М.: ИСК РАН, 2002. 445 с.
- Шаклеина Т.А. Россия и США в новом мировом порядке. М.: Аспект пресс, 2012. 272 с.
- Шейдина И.Л. США: «фабрики мысли» на службе стратегии. М.: Наука, 1973. 192 с.
- Abelson D.E. A Capitol Idea. Think Tanks and US Foreign Policy. Montreal & Kingston: McGill Queen's University Press, 2006. 367 p.
- Brooks St.G., Ikenberry J.G., Wohlforth W.C. Don't Come Home, America: The Case against Retrenchment // International Security. 2012/2013. Vol. 37. No. 3. P. 7–51.
- Brumberg D. Hegemony or Leadership? // Harvard International Review. Spring 2003. URL: www.ceip.org

<sup>8</sup> Конструктивной позиции придерживаются, например, американские политологи Р. Легволд и У. Уолфорт, хотя они выступают с разными концепциями: У. Уолфорт относительно мирового порядка, а Р. Легволд по вопросам российско–американских отношений. Не умаляя роли и статуса Соединенных Штатов, политологи считают необходимым сохранить взаимодействие между РФ и США и отказаться от конфронтации, подобной периоду холодной войны. Об этом они говорили в ходе научного семинара, проходившего в МГИМО – Университете 9 сентября 2015 г.

<sup>9</sup> Проходивший в Сочи в октябре 2015 г. Валдайский форум показал, что озабоченность растущей нестабильностью у ряда ведущих европейских и азиатских держав растет, есть осознание необходимости коллективных действий и признания за Россией важнейшей роли в решении важнейших вопросов обеспечения безопасности, как мировой, так и отдельных регионов и стран.

- Brzezinski Zb.* The Grand Chessboard. American Primacy and Its Geostrategic Imperatives. N. Y.: The Basic Books, 1998. 305 p.
- The Domestic Sources of American Foreign Policy. Insights and Evidence / ed. by Lames M. McCormick. N.Y.: Rowman & Littlefield Publishers, Inc., 2012. 472 p.
- Huntington S.* The Lonely Superpower // Foreign Affairs. 1999. Vol. 78. No. 2. P. 35–49.
- Huntington S.* Dead Souls. The Denationalization of the American Elite // The National Interest. Spring 2004. No. 75. P. 5–18.
- Kagan R.* The Benevolent Empire // Foreign Policy. 1998. No. 111. P. 24–35.
- Kupchan Ch.A.* After Pax Americana: Benign Power, Regional Integration, and the Sources of a Stable Multipolarity // International Security. 1998. Vol. 23. No. 2. P. 40–79.
- Kupchan Ch.A.* Reviving the West // Foreign Affairs. 1996. Vol. 75. No. 3. P. 92–104.
- Mandelbaum M.* The Frugal Superpower. America's Global Leadership in a Cash-Strapped Era. N.Y.: PublicAffairs, 2010. 224 p.
- Mandelbaum M.* The Road to Global Prosperity. N.Y.: Simon & Schuster, 2014. 223 p.
- Mann J.* The Obamians. The Struggle inside the White House to Redefine American Power. N.Y.: Penguin Books, 2012. 392 p.
- Maynes Ch.W.* The Perils of (and for) an Imperial America // Foreign Policy. 1998. No. 111. P. 36–48.
- Nye Jr. J.S.* The Future of American Power: Dominance and Decline in Perspective // Foreign Affairs. 2010. Vol. 89. No. 6.
- Reich S., Lebow R.N.* Good-Bye Hegemony. Power and Influence in the Global System. Princeton: Princeton University Press, 2014. 190 p.
- Rosen S.* An Empire, If You Can Keep It // The National Interest. Spring 2003. P. 51–61.
- Snyder J.* Imperial Temptations // The National Interest. Spring 2003. P. 29–40.

# LEADERSHIP AND CONTEMPORARY WORLD ORDER

TATYANA SHAKLEINA

MGIMO University, Moscow, 119454, Russian Federation

## Abstract

During almost 30 years of academic discussions on the issues of world and international order the main focus of debates was concentrated on such questions as structure of interaction among leading world powers, solving the most important global and regional problems, quantitative growth of great powers and their status in comparison with non-state actors. Special attention was given to the issue of global leadership in the contemporary world, where the number of great powers has grown, and the disagreements among them have become rather noticeable. The main point of great powers' discontent is who has the right to construct the contemporary world order. The United States declared itself a long-term global leader who can and must fulfill this mission together with its transatlantic allies and followers. American leaders declared that it was the US who saved the world from serious conflict after 1945, and they would like to continue this mission in the 21<sup>st</sup> century. Analysis of the results of American international policy shows that on the one hand, further destabilization of international relations should be expected, and on the other, the trend for establishment of the US-centric world order continues. The transatlantic strategy of obvious American dominance is aimed to establish new regulating rules and institutions, to constrain all initiatives and policies at global, regional and national levels. Destabilization of international relations and aggravation of global and regional threats put into question the idea of American global leadership. We need other forms of collective global and regional management, when interests of all leading world powers are coordinated and meet global challenges and threats. The issue of peace has become a key issue in the world policy agenda.

The Obama administration is a monolithic group of politicians and experts who demonstrate sincere and strong adherence to the idea of American leadership, and are ready to use all possible means to fulfill the

mission. They use “hard power” – military forces and NATO, informational campaigns and propaganda, as well intelligence and economic sanctions for this task. Even its use of “soft power” reflects the fact that the United States does not have a very peaceful image. The present state of world affairs dissatisfies many scholars in Russia and other countries. The author analyzes the current American view of the US global mission, and tries to answer this crucial question: Does the world community in the 21st century need one country – the United States - as a global leader.

### Keywords:

world order; international order; leadership; hegemony; Russia; the United States of America.

### Reference

- Abelson D.E. (2006). *A Capitol Idea. Think Tanks and US Foreign Policy*. Montreal & Kingston: McGill Queen's University Press. 367 p.
- Baranovsky V.G., Bogaturov A.D. (ed.) (2010). *Sovremennyye global'nye problem* [Contemporary Global Problems]. Moscow: Aspekt press. 350 p.
- Batalov E.Ya. (2005). *Mirovoe razvitiye i mirovoj poryadok* [Global Development and Global Order]. Moscow: ROSSPEN. 376 p.
- Batalov E.Ya (2008). *Chelovek, Mir, Politika* [Man. World. Politics]. Moscow: NOFMO. 330 p.
- Bogaturov A.D. (ed.) (2010). *Sovremennaya mirovaya politika. Prikladnoy analiz* [Contemporary World Politics. Applied Analysis]. Moscow: Aspekt press. 592 p.
- Bogaturov A.D., Shakleina T.A. (2009). *Liderstvo i konkurentsya v mirovoj politike. Rossiya i SSHA* [Leadership and Competition in World Politics. Russia and the USA]. Moscow: KRASAND. 352 p.
- Brooks St.G., Ikenberry J.G., Wohlforth W.C. (2012/2013). Don't Come Home, America: The Case against Retrenchment. *International Security*. Vol. 37. No. 3. P. 7–51. DOI: 10.1162/ISEC\_a\_00107
- Brumberg D. (2003). Hegemony or Leadership? *Harvard International Review*. Spring. URL: www.ceip.org
- Brzezinski Zb. (1998). *The Grand Chessboard. American Primacy and Its Geostrategic Imperatives*. N. Y.: The Basic Books. 305 p.
- McCormick L.M. (ed.) (2012). *The Domestic Sources of American Foreign Policy. Insights and Evidence*. N.Y.: Rowman & Littlefield Publishers, Inc., 2012. 472 p.
- Huntington S. (1999). The Lonely Superpower. *Foreign Affairs*. Vol. 78. No. 2. P. 35–49.
- Huntington S. (2004). Dead Souls. The Denationalization of the American Elite. *The National Interest*. Spring. No. 75. P. 5–18.
- Kagan R. (1998). The Benevolent Empire. *Foreign Policy*. No. 111. P. 24–35.
- Kupchan Ch.A. (1998). After Pax Americana: Benign Power, Regional Integration, and the Sources of a Stable Multipolarity. *International Security*. Vol. 23. No. 2. P. 40–79.
- Kupchan Ch.A. (1996). Reviving the West. *Foreign Affairs*. Vol. 75. No. 3. P. 92–104.
- Mandelbaum M. (2010). *The Frugal Superpower. America's Global Leadership in a Cash-Strapped Era*. N.Y.: PublicAffairs. 224 p.
- Mandelbaum M. (2014). *The Road to Global Prosperity*. N.Y.: Simon & Schuster. 223 p.
- Mann J. (2012). *The Obamians. The Struggle inside the White House to Redefine American Power*. N.Y.: Penguin Books. 392 p.
- Maynes Ch.W. (1998). The Perils of (and for) an Imperial America. *Foreign Policy*. No. 111. P. 36–48.
- Nye Jr. J.S. (2014). The Future of American Power: Dominance and Decline in Perspective. *Foreign Affairs*. Vol. 89. No. 6.
- Reich S., Lebow R.N. (2014). *Good-Bye Hegemony. Power and Influence in the Global System*. Princeton: Princeton University Press. 190 p.
- Rosen S. (2003). An Empire, If You Can Keep It. *The National Interest*. Spring. P. 51–61.
- Snyder J. (2003). Imperial Temptations. *The National Interest*. Spring. P. 29–40.
- Shakleina T.A. (2002). *Rossiya i SSHA v novom mirovom poryadke. Diskussii v politiko-akademicheskikh soobschestvakh Rossii i SSHA* [Russia and the USA in the New Global Order. Discussions in Political and Academic Communities of Russia and the USA (1991–2002)]. Moscow: ISK RAN. 445 p.
- Shakleina T.A. (2012). *Rossiya i SSHA v mirovoj politike* [Russia and the USA in the World Politics]. Moscow: Aspekt press. 272 p.
- Shakleina T.A. (ed.) (2014). *Vvedenie v prikladnoy analiz mezhdunarodnykh situatsij* [Introduction to Applied Analysis of International Situations]. Moscow: Aspekt Press. 287 p.
- Sheidina I.L. (1973). *SSHA: "fabriki mysli" na sluzhbe strategii* [USA: "Think Tank" in Service of Strategy]. Moscow: Nauka. 192 p.
- Temnikov D.M. (2010). *Liderstvo i samoorganizatsiya v mirovoj politike* [Leadership and Self-Organization in World Politics]. Moscow: NOFMO–Aspekt press. 173 p.